

Весь мир, который он знал, был сожжён и разбит, пропах пеплом. Зоркий Глаз, разведчик того, что когда-то было кланом Качающихся Листьев, осмотрел руины своего бывшего дома. Несколько высоких деревьев с серой корой все ещё остались, но их кора была почерневшей и повреждённой. Толстые, широкие ветки, которые защищали Народ, когда они искали семена среди упругих сучьев, исчезли, за исключением редящего скелета, который одновременно напоминал былую красоту деревьев и насмехался над ней.

Что же до широколиственных приземистых растений, давших имя клану, то они были даже не скелетами, даже не пеплом, а только воспоминанием.

Народ помнил такие разрушения раньше и двигался дальше. Песни многих кланов содержали подробности миграций, когда пожар или наводнение делали область непригодной для проживания. Эти песни наполняли и вдохновляли сердце, они были наполнены проблемами, которые были встречены и преодолены, прежде чем наконец клан поселился в своем новом доме.

Но на этот раз все по-другому, подумал Зоркий Глаз. Пожары были огромными. Даже с помощью двуногих, вмешавшихся, чтобы погасить пламя, разрушение распространилось дальше, чем когда-либо в недавней памяти нашего клана, и даже — как сообщала Широкие Уши перед смертью — в воспоминаниях соседних кланов. Многие хвалили двуногих за их вмешательство, но я не могу поверить, что они сделали это во благо кого-либо, кроме самих себя. Без сомнения, это было сделано для защиты области, которую они сделали своей собственной, и они, кажется, берут всё больше с каждым годом! На закате я исследовал то, что когда-то было нашей территорией и тем местом, где расположились двуногие. Конечно, там не было ни одного из крупных поселений, но присутствие двуногих загрязняет то, что когда-то было ничейной областью, а когда так много сожжено и разрушено...

Он недавно вернулся после разведки глубоко в горах. Там пожар был очень сильным, сделав нижние предгорья непригодными для жилья. Более высокие места были непригодны, тем более что год уже перешёл в период смены листьев. Если бы это было время нового роста, его клан мог бы прожить на более высоких местах, пока найдется новая область, но не сейчас, с приближением самых холодных времен.

Клан Качающихся Листьев не мог двигаться в направлении высохшего мха. Там была область клана Яркой Воды. Они были известны как щедрый клан, но они уже столкнулись с необходимостью поддерживать свой собственный клан при более ограниченном поиске пищи на возвышенностях. Ареал клана Яркой Воды был большим, так что у них было много хорошей охоты, но их охотники много трудились и у них не было излишков.

Кроме того Яркая Вода долгое время считалась многими старшими членами клана Качающихся Листьев неудобными соседями. Яркая Вода слишком свободно взаимодействовала с двуногими. Один из их разведчиков даже связался с детёнышем этих странных, голых, мыслеслепых людей. Некоторые шептали, что этот Лазающий Быстро превратился в не более чем ленивого прихлебателя, трубящего через свою сестру — певицу памяти о собственной значимости.

Зоркий Глаз не верил этому. Он никогда не встречал Лазающего Быстро, но он слышал песню

о его храбрости и доблести не только тогда, когда он спас двуногую, которая теперь была его партнёром, но и во время последнего сезона пожаров, когда он вмешался, чтобы помочь спасти членов клана Влажной Земли, которые иначе могли бы оказаться в ловушке на своём островном доме и сгореть.

Нет. Лазающий Быстро не был ленивым прихлебателем. Тем не менее, двигаться в направлении области Яркой Воды было невозможно.

Так что идти дальше на запад в горы было исключено. Горы с высохшим мхом были заняты. В горах, где мох рос, пожары были сильнее. Это означало, что единственным направлением, в котором могли двигаться Качающиеся Листья, были низины. Проблема была в том, что многие области там уже были территорией других кланов. Они могут позволить остаткам клана Качающихся Листьев пройти через свои земли, но они не захотят, чтобы они там селились.

Двуногие также чаще селились в низинах. Даже там, где они не претендовали на землю, они, кажется, предпочитали низины для охоты и добычи пищи. Из того, что было известно о двуногих от тех из Народа, которые жили рядом с ними, странные существа явно предпочитали более тёплые места. Хотя их разнообразные изделия позволяли им делать замечательные вещи, без них они были удивительно незащитны. Похоже, некоторым из них даже было трудно передвигаться без помощи сделанных ими вещей.

Поэтому Зоркий Глаз не находил ничего удивительного в том, что эти двуногие предпочитали более мягкие низины, но их деятельность в этих местах делала и без того сложную задачу поиска нового места для его клана практически невозможной.

Он глубоко вздохнул, и горький запах пепла и горелого дерева наполнил его лёгкие. Несмотря на то, что пожары были потушены после жарких дней свернувшихся листьев, Острый Глаз все же обнаружил, что кашляет. Дым повредил его лёгким, и эти повреждения могли никогда не исчезнуть, даже после множества смен сезонов.

Дым ослабил и других членов его клана. Попытки выжить на разорённых окраинах своего прежнего ареала сделали их худыми и слабыми. Только созревание орехов в это время года и обилие рыбы в ручьях позволяли им выжить до сих пор, но вскоре орехи пропадут и рыба замёрзнет под неумолимой толщей льда.

Качающиеся Листья должны найти новые уголья — и быстро, но где? Куда они могут пойти?

Никогда ещё мир со всеми его бескрайними зелеными просторами не казался таким маленьким.

* * *

Прошло четыре дня с тех пор, как Стефани сообщила Андерсу новость о своем возможном отъезде на Мантикуру. В тот вечер она разговаривала со своими родителями. Они согласились, что если она захочет, она сможет пройти обучение по программе Лесной Службы. Судя по всему, им понравился её разговор с главным рейнджером Шелтоном, и они были довольны тем, как будет проводиться программа. Они даже освободили Стефани от её регулярных занятий на

Сфинксе до её возвращения с Мантикоры.

— Даже ты заслуживаешь отпуска время от времени, — сказала мама, — и тебе нужно быть свежей, чтобы впитать всё, что от тебя ожидается, в программе тренировок. Это не только много информации, но и очень разнообразная учебная программа.

Теперь Стефани и ее лучшая подруга Джессика Феррис сидели на кровати в комнате Стефани. Они были не очень похожи. Фигура Джессики была пышнее рядом с всё еще мальчишеской фигурой Стефани. У Джессики были яркие орехово-зелёные глаза и густые вьющиеся светло-каштановые волосы. Она была выше Стефани (да почти все были выше) и знала о "девичьих вещах" гораздо больше, чем Стефани когда-либо пыталась узнать. Но они были похожи в одном очень важном моменте: они обе были склонны высказываться о том, что, по их мнению, было важным, несмотря на цену. Это сблизило их ещё до того, как Джессика была принята древесным котом Храбрецом. После этого их дружба стала крепче.

Несмотря на прохладные осенние вечера створки окна в комнате Стефани были приоткрыты, и Львиное Сердце с Храбрецом сидели на ветвях ближайшего королевского дуба, наслаждаясь приятными солнечными лучами. Эти два кота, внешне похожие своим серым с кремовым полосатым мехом, по всей видимости, дремали, но Стефани знала, что они могут быть столь же увлечены разговором, как два бизнесмена, бездельничающих в креслах перед огнём в своём любимом клубе.

Были бы похожи, подумала Стефани, если бы не травмы Львиного Сердца. Все могли заметить и волны его шрамов под мехом, и того, что у него отсутствует правая настоящая рука.

Джессика часто приходила провести несколько дней со Стефани, так что каждый древесный кот мог общаться с другим представителем своего вида. По своей природе коты были социальными существами. Стефани часто беспокоилась, что Львиное Сердце обрёл себя на одиночество, решив остаться с ней. Появление Храбреца облегчило её чувство вины в этом вопросе, но теперь она чувствовала, что оно снова растёт.

— Джесс... Как я скажу Львиному Сердцу, что я беру его не просто в обычное путешествие, а на другую планету?

К её чести, Джессика даже не предлагала Стефани не пытаться: потому что Львиное Сердце все равно поедет с нею, так зачем нервничать? Она также не сказала, что, возможно, он даже не поймёт, что случится. Так зачем об этом беспокоиться?

Стефани знала, что Джессика понимает отношения между ней и Львиным Сердцем так, как не могли понять даже родители Стефани, Карл или Андерс. Отношения Джессики с Храбрецом были немного другими, выкованными в огне, а не в крови и битве, но от этого не менее интенсивными. Разными были только их личности.

Как и Стефани, Львиное Сердце был импульсивным. В конце концов, он прорвался в одну из теплиц Марджори Харрингтон, когда Стефани впервые встретила его. Храбрец, напротив, был уравновешенным. Он был не менее любознателен по-своему, но его интересы сводились к тому,

что было для древесных котов — по крайней мере, по всем признакам, собранным людьми к этому моменту, — передовой сельскохозяйственной наукой. Если Львиное Сердце был исследователем и искателем приключений, то Храбрец был новатором, желающим наблюдать и учиться у людей, показывая все признаки того, что он не просто копирует, но адаптирует то, что он узнал.

И Джессика такая же уравновешенная, как и Храбрец. Может быть, это потому, что её семья так много переезжала, или потому, что ей пришлось заботиться обо всех младших детях, но она ценит стабильность и комфорт — в отличие от Стефани. Она далеко не скучная, иначе она не нравилась бы так сильно Стефани. Она просто другая.

Как обычно, Джессика не очень быстро ответила Стефани.

— Я думаю, что если ты не можешь сказать Львиному Сердцу, тебе нужно будет показать ему это, — наконец сказала она. — Понимает ли он то, что видит на экране компьютера? Я никогда не знаю, понимает ли Храбрец многое или то, что он видит, ему настолько неинтересно, что он не обращает на это внимание.

— Я думаю, что Львиное Сердце понимает по крайней мере некоторые вещи, — сказала Стефани. — Я показывала ему изображения, и он, кажется, понимал, что именно он видит. Трудно сказать, насколько. Я думала, много ли будет значить чисто визуальная или даже визуально-звуковая презентация для древесного кота. Они намного больше полагаются на свое обоняние, чем мы, и на осязание — не только пальцами и усами, но и всем телом.

— Я знаю. — Джессика кивнула. — Есть ещё дополнительный элемент в виде их эмпатии и телепатии. Да. Я понимаю, что ты имеешь в виду. Возможно, Львиное Сердце и Храбрец не "понимают" изображения. Просто для них даже хороший клип с полным звуком даёт им столько же, сколько мы получили бы от плоского экрана без звука.

— Ты имеешь в виду, что можно показать Львиному Сердцу изображения взлетающих шаттлов и тому подобное... Подожди! — Стефани подняла руку вверх, чтобы сдержать ответ Джессики. — Я поняла! Мы можем снять собственный фильм. Это не будет красиво, но мы можем использовать программу анимации на моём компьютере. Мы загрузим изображения, моё и Львиного Сердца из моих файлов, а затем...

Джессика сразу же подхватила идею Стефани. Они устроились бок о бок за столом Стефани и начали открывать файлы. Стефани была лучшим программистом, но у Джессики было больше артистического чутья. Её предложения были неоценимы для преобразования того, что в противном случае было бы довольно статичной презентацией, в что-то подвижное и живое. Девушкам пришлось сделать перерыв на обед, но потом они поскакали вверх по лестнице. Перед тем как уснуть, они сняли короткий, но подробный фильм, в котором Стефани и Львиное Сердце — отчетливо узнаваемые — входят в шаттл и что происходит потом.

— Конечно, — с удовлетворением сказала Стефани после того, как они просмотрели свою работу, — Львиное Сердце, вероятно, придётся ехать в какой-нибудь переноске, а не ходить, как мы показали здесь. Я бы хотела, чтобы он был в переноске для его же безопасности, даже

если этого не делал никто другой. Я не хочу, чтобы другие пассажиры толкали его. Вообще-то мы знаем, что его не укачивает в полете, но он может найти взлёт и все остальное тревожащим. Лучше, если у него будет собственное безопасное место.

— Я согласна, — сказала Джессика, — но для видео, я думаю, лучше показать, как он двигается. Добавление его посадки и передвижения в переноске отвлекло бы от реальной цели — показать, как он поднимается в шаттле и куда он едет. Мы собираемся показать ему наше видео сейчас?

— Подождём, — сказала Стефани. — Я устала и уверена, что ты тоже. Когда мы покажем это ему, я хочу попробовать что-нибудь, подходящее к изображениям. Я надеюсь, что ты и Храбрец тоже сможете помочь.

— Конечно. А что?

— Помнишь, я говорила тебе, что, когда Больгео поймал котов в ловушку, Моргана — сестра Львиного Сердца — смотрела на меня так, как будто она пыталась вложить в мою голову какие-то идеи?

— Конечно. Ты не поняла, не так ли?

— Вообще-то нет, но я понимала, что всё, что она хотела передать, было важно, и я часто думала, может ли это работать в другую сторону. В конце концов, я не телепат, но очевидно, что Львиное Сердце может читать меня лучше, чем я его. Я попытаюсь объяснить ему, что это не просто изображение или что-то забавное, что мы сделали, но что это реальность — представление о том, что должно произойти.

Джессика кивнула. — Мы знаем, что они по крайней мере могли передать мысленные картинки Скотту МакДаллану. Судя по тому, как он описал то, что произошло, потребовалась группа древесных котов, работающих вместе, чтобы они могли общаться даже с кем-то, у кого есть "зрение". Что ж, мы не телепаты, но, может быть, если мы оба очень сильно сконцентрируемся на нашем конкретном коте, мы сможем усилить сигнал достаточно, чтобы они могли понять, что это не просто красивое искусство.

— Правильно. В конце концов, если они могут говорить друг с другом...

— А мы обе уверены, что могут...

— Тогда они могут обсудить, что мы им показываем. Это может помочь им понять, что мы им говорим.

— Мне это нравится, — согласилась Джессика. — Во всяком случае, попытаться не повредит, не так ли?

* * *

— Угадай, кто едет на Мантикору? — Освальд Морроу не мог скрыть хитрой самодовольной улыбки, когда говорил это. Он был крупным мужчиной с тёмной кожей, на фоне которой его зубы блестели в ярком контрасте.

— Кто? — спросила Гвендолин Эдер, даже не оторвавшись от проверки своего маникюра.

— Стефани Харрингтон. У меня есть достоверные сведения, что она не только едет без сопровождения взрослых, но и берёт с собой своего древесного кота.

Это полностью привлекло внимание Гвендолин. Она села прямо, демонстрируя стройное молодое тело.

— Ты шутишь! Это уж слишком хорошо.

Освальд Морроу улыбнулся ей ещё одной рекламной улыбкой, так хорошо известной в определенных эксклюзивных деловых кругах Мантикоры. — Я не шучу. Я совершенно искренен. Стефани Харрингтон приедет сюда со знаменитым Львиным Сердцем. Я не из тех, кто хвастается...

— Ха! — комментарий Гвендолин был не более чем выдохом.

— Но я даже могу сказать, что сам кое-что сделал для устройства их поездки.

— Как ты мог сделать это?

— Ты знаешь, что я слежу за любой информацией обо всех, кто связан с СЛС.

— Через твоего шурина Харви. Да, я знаю.

— Ну, я задал несколько наводящих вопросов, когда недавно мы с Джоан ужинали с Харви и его семьёй. Харви начал разглагольствовать о том, как Шелтон из СЛС имел наглость предложить двум детям записаться в учебный класс Лесной Службы. Харви был изрядно возмущен. Он приложил руку к тому, чтобы привести эту программу в её нынешнюю форму, и до тошноты гордился ею за то, что она подготовила крутых, хорошо подготовленных мужчин и женщин, которые с одинаковой лёгкостью могут справиться с наводнениями, пожарами или туристами-паникёрами. Он чувствовал, что Шелтон унижает программу, предполагая, что двое детей могут пройти её.

— И ты спросил, кто эти дети...

— Да. И когда он подтвердил, что это действительно Стефани Харрингтон и её закадычный друг Карл Цивоник, я намекнул, что было бы неплохо принять их. Это показало бы, что он непредвзято относится к этим деревенщинам. Если — я мог бы даже сказать "когда" — дети провалят его сложную программу, что ж, плохо будет выглядеть Шелтон, а не Харви.

— Блестяще!

Морроу пожал плечами с притворным смирением. — Я не говорю, что я был единственным, кто высказался за их включение. Фактически, количество людей, которые хотели, чтобы в список вошла девчонка Харрингтон, было частью того, что так разозлило Харви. Мои комментарии могли изменить баланс, вот и всё.

— Но Стефани и Львиное Сердце будут здесь! — Гвендолин выглядела довольной, как кошка, получившая сливки. Она была достаточно привлекательной женщиной, но настоящим её даром была не красота. Это были даже не её семейные связи, какими бы ценными они ни были. Это было актерское мастерство. Она была хамелеоном, легко просачивалась в жизни других людей и была тем, кем должна была быть для каждого из них. Она выгодно работала с Морроу, изменяя внешний вид и отношение с таким умением, что иногда пугала его. — Это сложно — повлиять на дела древесных котов с другой планеты. План Больгео оказался провальным, потому что он хватался за всё сразу. Если бы он продолжал делать то, за что мы ему платили, вместо того, чтобы прибегать к браконьерству...

— Это всё в прошлом, — снисходительно сказал Морроу. — Больгео был бесполезен нам, но теперь амбиции Шелтона дали нам именно то, что нам нужно. Пока миз Харрингтон и её кот здесь, мы можем создавать ситуации, которые показывают их в чуть менее идеальном свете. А пока они вне Сфинкса, мы можем послать новых агентов, не беспокоясь о её вмешательстве.

— Ты ведь не боишься пятнадцатилетней девочки, не так ли? — уколола его Гвендолин со смехом.

— Я ничего не боюсь, — возразил Морроу. — Мы просто не можем игнорировать то, что Стефани Харрингтон, кажется, рассматривает всё, что связано с котами, как свою личную область, и что СЛС подыгрывает ей, потому что это хорошо для их общественного имиджа. Однако именно она является "первооткрывателем древесных котов", поэтому никто другой не может спорить с этим. Мы должны использовать её присутствие здесь и её отсутствие там.

Гвендолин снова посмотрела на свой маникюр, как будто рассматривала его в новом свете. — Да, действительно должны. У меня есть очень интересные мысли о том, как мы могли бы подружиться с юной леди.

— Я уверен, что есть, моя дорогая, — усмехнулся Морроу. — Я уверен.

* * *

Лазающий Быстро наблюдал, как перед ним двигались изображения. Если бы он не жил так

долго с Погибелью Клыкастой Смерти, наблюдая за ней, когда она проводила долгие часы перед этой штукой, и если бы он не наблюдал, как Око Памяти создаёт собственные изображения, он бы не был уверен, что понял то, что его двуногая пыталась показать ему. На самом деле, если бы она не была так сильна в своём желании, чтобы он смотрел, обращал внимание, понимал, то он не был бы уверен, что вообще осознал бы важность того, что он видел. Как бы то ни было, он был по крайней мере достаточно уверен, что понял смысл этого.

В основном.

Однако он подумал, что какое-то подтверждение было бы хорошей идеей, на случай, если он прыгает, не проверяя место приземления — что, как старшие всегда говорили ему, было одной из его частых ошибок.

<Разгребатель Грязи, мне интересно,> сказал он, <что ты видишь в этих изображениях?>

Старший кот (на длинном хвосте Разгребателя Грязи было на два полных кольца больше, чем на собственном хвосте Лазающего Быстро) потёр нос своей настоящей рукой, так же, как он делал, когда заканчивал копать и хотел почистить свои усы.

<В этих изображениях, даже лишённых мыслей, я вижу песню — песню о будущем путешествии. Думаю, теперь мы знаем, почему Погибель Клыкастой Смерти так обеспокоена с тех пор, как она встретила со Старой Властью. Она решила полететь на большой летающей штуке, выше самых высоких гор, а затем приземлиться на другую штуку. Я думаю, что, возможно, это ещё более крупная летающая штука, но что это за цветные шары, я не могу догадаться. Это острова?>

Лазающий Быстро покачал головой в манере, которую он подцепил от двуногих.

<Я так не думаю. Признаюсь, что-то подобное было моим первым выводом. Потом я подумал. Мы знаем, что двуногие откуда-то ещё. Мы оба слушали те старые песни памяти, в которых рассказывается о яйцевидных штуках, которые с рёвом рухнули сверху и вернулись в небо. Я знаю, что некоторые коты продолжают верить, что двуногие приходят откуда-то в земли, которые мы знаем. Я слышал теории о том, что двуногие живут на каком-то изолированном острове, где не растёт сетевое дерево, и поэтому Народ не путешествовал туда. Однако я думаю, что это маловероятно.>

<Я согласен,> сказал Разгребатель Грязи. <Двуногие не сразу создали летающие штуки, которыми они пользуются сейчас. Между ними, должно быть, были ступеньки, возможно, вроде складывающихся летающих штук, которые Погибель Клыкастой Смерти и Открытая Ветрам используют в качестве игрушек. Но если бы у них были такие летающие штуки они жили бы где-то рядом с землями, которые мы знаем, конечно, отважный двуногий или два пришли бы в сетевые леса до Погибели Клыкастой Смерти, и эта встреча была бы записана певичками памяти. Следовательно, они должны быть откуда-то ещё.>

Лазающий Быстро был доволен, что его друг согласился. Он не собирался спорить с ним. Разгребатель Грязи мог быть таким же упрямым, как и глубоко укоренившиеся сорняки,

которые он всегда выдёргивал со своих садовых участков.

<Я думаю,> продолжил Лазающий Быстро, <Погибель Клыкастой Смерти отправится обратно туда, откуда двуногие пришли, прежде чем появиться в нашем мире. Первый шар на её изображениях — наше место. Второй шар — это то место, куда мы собираемся. Она пытается убедиться, что я всё понимаю, потому что она не хочет путешествовать без меня.>

<Так её ожидает долгое путешествие,> прокомментировал Разгребатель Грязи.

Лазающий Быстро согласился. Связанные пары могли разделяться, иногда на несколько дней — иначе как кот будет кормить свою пару и котят? Однако долгая разлука утомляла обоих. Многие связанные коты старались надолго не удаляться от мест гнездования. Некоторые, особенно пожилые, решали полностью отказаться от охоты, сосредоточившись на других способах содействия клану. Изготовление каменных орудий требовало времени и терпения, так же как и выстругивание рукояток и вязание сетей. Или пара может вместе собирать пищу, потому что, хотя Народ в основном ел мясо или рыбу, они дополняли свой рацион орехами и корнями.

С тех пор, как пришли двуногие, Народ начал подражать им в выращивании растений. Сначала это был просто уход за растениями, которые уже росли на месте: полив, когда сезон был засушливым, уборка конкурирующих растений, которые могли их задушить. Таким образом, урожайность увеличилась. Теперь были такие, как Разгребатель Грязи, которые хотели, чтобы Народ действительно сажал полезные растения там, где они будут расти, или закапывал семена и защищал молодые побеги от жевателей коры. Растениеводство требовало большого внимания. Это оказался очень хороший способ для связанных пар обеспечить клан пищей, не подвергаясь такому риску, как кот, отправлявшийся на охоту.

Было важно избежать этого риска. Лишь изредка одна половина связанной пары переживала смерть партнера. Умы, которые были настолько переплетены, что усиливали сияние друг друга, нечасто переживали потерю своей пары. Иногда кошка с котятами выживала, потому что она была им нужна, но часто клану приходилось заботиться о котятах, осиротевших дважды.

Лазающий Быстро встряхнулся, словно он мог избавиться от печальных воспоминаний так же легко, как от жука, пробирающегося через его мех.

<Я рад, что Погибель Клыкастой Смерти хочет, чтобы я поехал с ней. Я не уверен, что она понимает опасность разлучения связанной пары. Я думаю, она знает, что будет несчастна, но я не знаю, понимает ли она, что наша разлука может означать мою смерть, особенно если наши мыслесветы разойдутся так далеко. Даже если мне придется выйти за пределы гор и на этот другой шар — этот другой мир — я пойду. Это наш договор. Это наша связь.>

* * *

Андерс старался не показывать Калиде — или даже Дейси — своих смешанных чувств по поводу отъезда Стефани на Мантикору. Он был рад, что Брэдфорда Уиттакера не было сейчас на

Сфинксе. Доктор Уиттакер был не самым чувствительным из людей, и Андерс сомневался, что он действительно понимал чувства своего сына или даже замечал их. Конечно, об этом было что сказать. Если бы мать Андерса была здесь, ему бы пришлось поговорить откровенно, хотел он того или нет. Была причина, по которой она была политиком — и хорошим политиком старого типа, который стал политиком не потому, что видел в ней путь к славе и богатству, а потому, что видел в этом способ помочь людям.

Он, конечно, должен был написать маме, но хорошее свойство межзвездного общения — ну, хорошее в данном случае, хотя он сомневался, что его отец считал так же — заключалась в значительной задержке во времени. Он думал, что к тому времени, когда ему придется ответить на многозначительные и продуманные вопросы мамы, что уже соберется с мыслями.

Хотя сейчас...

Его сердце болезненно сжималось всякий раз, когда он видел Стефани. Он думал, что она не догадывалась, но был уверен, что Львиное Сердце догадывается. Как ни странно, Андерс также чувствовал уверенность, что древесный кот хранил его секрет. Это заставило его понять, что кот был его другом, чего он никогда раньше не чувствовал, поэтому он предположил, что по крайней мере что-то хорошее вышло из этого надвигающегося горя.

Черт, какой я бесчувственный придурок, не так ли? Всё время, пока мы со Стефани миловались, как выразилась Дейси, я не задумывался о том, что Стеф почувствует, когда я вернусь домой. Я знал, как плохо я себя чувствовал, когда меня утащили на Мантикору, а она осталась здесь, но по крайней мере мы все ещё могли написать друг другу и получить ответ в тот же день! Я думал, что в любом случае это было чертовски плохо, но теперь, когда ситуация изменилась, я знаю, что она чувствовала себя даже хуже, наблюдая за мной, чем я, а я был так занят чувством жалости к себе, что никогда не осознавал этого. Теперь, когда я остался один, я могу сказать, что мне нехорошо. На самом деле это хуже, чем быть брошенным. Брошающему есть чем заняться; брошенный просто строит жизнь вокруг дыры, где должен быть другой человек. А что мы будем делать, когда мне придется уехать, и мы оба знаем, что я не вернусь? Тогда сообщений в тот же день не будет!

Стефани была очень мила, должен был признать Андерс. Несмотря на то, что она, должно быть, была по уши в своих планах — он знал, что всю дорогу до Явата-Кроссинг будут экспедиции по магазинам за вещами, которых нельзя было найти в маленьком Твин-Форкс, — все же она никогда не болтала о том, насколько она взволнована. Более того, отпуск от учебы, который родители Стефани предоставили ей, означал, что у них ещё было время встречаться каждый день, даже во время подготовки к отъезду.

Сегодня они встретились в Твин-Форкс, где планировали присоединиться к собранию клуба дельтапланеристов, а потом уйти — только вдвоём. У Андерса теперь был собственный планер — ультрасовременная модель, подарок его отца ("Извини, я облажался") перед отъездом. Он был действительно красивым, в ярко-зеленых и бирюзовых цветах, которые, по уверениям девушек, хорошо сочетались с его внешними данными. Несколько месяцев было недостаточно, чтобы Андерс познакомился с остальной частью компании Стефани, но, по крайней мере, он больше не смущался.

Может быть, из-за того, что предстоящий отъезд Стефани заставил его вспомнить всё, что когда-то было свежим и новым, Андерс поймал себя на мысли, как изменились многие ребята за последние шесть месяцев, когда он присоединился к ним.

Наиболее очевидно изменился Тоби Медник. Тоби был всего на несколько месяцев моложе Стефани, и когда Андерс впервые встретил его, он был ростом со Стефани или немного ниже. Конечно, его манера поведения — застенчивая и кроткая — означала, что он мог быть трёхметрового роста и всё ещё казаться маленьким. Теперь вмешательство природы прибавило Тоби роста. У него появились мощные плечевые мускулы, хотя в целом его телосложение оставалось изящным. Однако самым большим изменением стало его ощущение.

Тоби был из очень консервативной семьи. Клуб дельтапланеризма был единственной организацией, в которую ему разрешили вступить, и то потому, что им руководил мэр Сапристос. Но дельтаплан оказался именно тем, что нужно Тоби. Он был на пути к тому, чтобы выполнить свою клятву на вечеринке по случаю пятнадцатого дня рождения Стефани — стать лучшим лётчиком в клубе. Тёмно-карие глаза больше не смотрели застенчиво из-за завесы шелковистых чёрных волос. Они смотрели другим людям прямо в глаза, а тёмные волосы были собраны назад, что по мнению Андерса, — без излишней скромности — было скопировано с того, как это делал сам Андерс.

"Два Си", Чет Понтье и Кристина Шредер, изменились иначе. У Чета наконец замедлился рост, который, — как он весело признал, — был проклятием для бюджета на покупку одежды его родителей. В семнадцать лет он достиг 188 сантиметров роста, и в эти дни его тело, казалось, было настроено заполнить ту рамку, которую оно растянуло. Естественный цвет волос Чета был чуть светлее, чем пшенично-золотые волосы Андерса, но он и его подруга Кристина недавно увлеклись одинаковым их окрашиванием. У обоих теперь были волосы цвета индиго с фиолетовым оттенком. Когда они собирались выходить, они также надевали серебряные контактные линзы, имитирующие кошачьи глаза.

На Чете изменения выглядели немного ненормально — по крайней мере, так думал Андерс, — но с самой первой встречи Андерс всегда думал, что в Кристине есть что-то от экзотической птицы. Она сохранила свой попугайский гребень, и он выглядел так же хорошо сине-фиолетовым, как когда-то — серебряно-белым. Если изящная, гибкая фигура Кристины и изменилась, то это сгладило её формы до чего-то более восхитительно женственного. Серебряные контактные линзы вряд ли были лучше её естественных ледяных голубых глаз, особенно в сравнении с тёплым оттенком её кожи сандалового дерева, но если она хотела поэкспериментировать, Андерс не собирался жаловаться.

Стефани и Джессика прибыли в старой машине Джессики как раз в то время, когда Андерс разворачивал свой планер. Он повернулся им навстречу, его сердце, как всегда, подпрыгнуло, когда он увидел улыбку Стефани.

Как я могу позволить ей сесть в шаттл без меня? Но я должен это сделать. Я знаю, что должен это сделать, но не могу дать ей понять, насколько больно её отпускать.